

Е. Г. ВОДОЛАЗКИН

Пророчество Соломона и Толковая палея*

Пророчество Соломона написано в той же полемико-обличительной форме, что и Толковая палея, а главной мишенью обличений, как и в тексте Толковой палеи, является фигура гипотетического «жидовина». Существенным представляется и то, что, по мнению исследователей, оба памятника принадлежат к одному времени. В. М. Истрин, знавший Пророчество Соломона (далее — ПС) по списку РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 67/1144, датировал памятник 1242 г.¹ Это было сделано на основании следующего фрагмента ПС: «...от того бо полона Титова до нынѣшняго лѣта вамъ уже роботаючи у насъ есть лѣтъ 1000 и 200 безъ стридесятехъ (*sic!*) и трех лѣтех».² Впоследствии В. М. Истрина поправил А. А. Шахматов, справедливо отметивший, что, несмотря на указание автором ПС 5500 г. как времени рождения Христа, разницей между датировками от сотворения мира и от Рождества Христова является 5508 лет.³ Таким образом, по уточненной датировке создание ПС отнесено к 1234 г.⁴ Напомним, что Толковую палею (далее — ТП) В. М. Истрин датировал также XIII в.⁵

Но едва ли не самым значимым из фактов., сближающих ТП и ПС, является то, что ПС начинается именно там, где ТП оканчивается, а именно — на пророчествах Соломона. Несмотря на то что это обстоятельство обращало на себя особое внимание исследователей, о соотношении указанных памятников на сегодняшний день известно чрезвычайно мало. Еще И. Н. Жданов вскользь высказал предположение, что ПС являлось «частью первоначального состава Палеи».⁶

Вслед за рядом исследователей мы рассматриваем ТП как памятник неоконченный. Впрочем, в вопросе о «неоконченности» ТП исследователи сходились лишь относительно ее нынешнего вида. В то время как

* Основные положения данного исследования были кратко изложены в статье: Водолазкин Е. Г. «Пророчество Соломона» из собрания Кирилло-Белозерского монастыря // Монастырская культура: Восток и Запад / Сост. Е. Г. Водолазкин. СПб., 1999. С. 59—67.

¹ Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906. С. 46. И. Н. Жданов, упомянувший об этой рукописи в примечании, датировал памятник 1237 г., поскольку отсчет вел от 70-го, а не 75-го года, как это делал В. М. Истрин. См.: Жданов И. Н. Палея // Университетские известия. Киев, 1881. № 9. С. 255.

² РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 67 / 1144, л. 37 об.

³ См. подробнее: Водолазкин Е. Г. Хронология русской хронографии. Часть 3 // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 79—97.

⁴ Шахматов А. А. Новая хронологическая дата в истории русской литературы // ЖМНП. СПб., 1904. Январь. С. 174—179. Впрочем, А. А. Шахматов, вслед за И. Н. Ждановым, оговаривался, что дата эта может характеризовать лишь данный список.

⁵ Истрин В. М. Редакции Толковой Палеи. СПб., 1907. С. 169.

⁶ Жданов И. Н. Палея. С. 254.

А. А. Шахматов считал, что у первоначальной ТП было окончание,⁷ В. М. Истрин предполагал, что она изначально была неполной.⁸ На мысль о неоконченности ТП наводило прежде всего изложение этим памятником ветхозаветных пророчеств. В самом деле, памятник, рассматривающий историю человечества как выполнение пророческих предначертаний, хронологически так и не доходит до основных пророков. Кроме того, исследователями отмечались разбросанные по тексту ТП замечания, которые можно рассматривать как свидетельство намерений автора ТП довести свое повествование по крайней мере до новозаветных событий. Так, обращало на себя внимание следующее обещание автора: «...имамь ти предложити и всѣхъ пророкы глаголавшая порядку».⁹ В. М. Истриным упоминаются также неосуществленное намерение автора ТП изложить родословие Богородицы, рассказать о поклонении Ваалу и упомянуть о звезде, которая воссияет от Иакова.¹⁰ К этому можно добавить, что, завершая рассказ о св. Георгии, ТП замечает: «...но пошедь о семь паку укажемъ ти».¹¹ Тем не менее ТП оканчивается описанием царствования Соломона.

Само собой разумеется, что обнаружение сходного по типу памятника, да еще и начинающегося там, где обрывается ТП, не могло не привлечь внимания. В орбиту палеино-хронографических изысканий ПС было введено В. М. Истриным, знакомым, как уже было сказано, с рукописью РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 67/1144. Мы датируем ее первой третью XVI в.¹²

В. М. Истриным было высказано также предположение, что, судя по выпискам, сделанным И. Е. Евсеевым из текста, озаглавленного «Слова святаыхъ пророкъ», ПС «будет если не копией „Словес“, то во всяком случае их ближайшим родичем».¹³ И. Е. Евсеев же, как следует из его доклада на заседании Славянской комиссии, располагал рукописью из собрания А. И. Яцимирского (впоследствии И. Е. Евсеевым изданной), датирующейся 1452 г.¹⁴ и находящейся ныне в БАН (шифр 13.3.21). Еще на один список, описанный в свое время Е. Ф. Карским, обратил внимание А. А. Шахматов.¹⁵ Это варшавская рукопись из собрания графов Красинских. Е. Ф. Карский датировал рукопись XVI в., отметив при этом, что содержащиеся в ней тексты относятся ко времени не позднее XV в.¹⁶ По счастью, в той же БАН содержится копия (сделанная, очевидно, для А. А. Шахматова) интересующего нас текста из рукописи Красинских.

⁷ Шахматов А. А. Толковая палея и русская летопись // Статьи по славяноведению. СПб., 1904. Вып. 1. С. 271—272.

⁸ Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. С. 150.

⁹ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892. Стб. 475.

¹⁰ Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. С. 151.

¹¹ Палея Толковая... Стб. 718.

¹² Рукопись содержит следующие филигранные надписи: л. 1—56 — «голова быка» типа: Лауцявичюс, № 1467—1527 г.; л. 57—104 — «буква „У“» типа: Лихачев, Вод. зн., № 1494—1520 г.; л. 105—160 — «рука» типа: Брике, № 11465—1516 г.; л. 161—177 — «сердце» типа: Брике, № 4205—1518, 1520—1521 гг.; л. 178—185, 195—208 — «кувшин» типа: Лихачев, Вод. зн., № 1577—1530 г.; л. 186—194 — «корона» типа: Лауцявичюс, № 1595—1516, 1520 гг.

¹³ Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. С. 42.

¹⁴ См.: Древности: Труды Славянской комиссии Императорского московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. С. 47—48.

¹⁵ Шахматов А. А. Новая хронологическая дата в истории русской литературы. С. 176.

¹⁶ Карский Е. Ф. О языке так называемых литовских летописей // Варшавские университетские известия. 1894. № 2. С. 6—18.

Ее нынешний шифр БАН, 34.2.6. Наконец, Н. К. Никольскому аналогичный текст был известен по рукописи Министерства иностранных дел, о чем при обсуждении доклада И. Е. Евсева упомянул М. И. Соколов.¹⁷ В настоящее время эта рукопись хранится в МГАМИД, ф. 181, № 478 (далее — М).¹⁸ Все перечисленные рукописи были нами привлечены к исследованию.

Несмотря на публикацию текста И. Е. Евсеевым, последовательного сопоставления его древнейших списков не проводилось. Несомненно, что как раз подобного рода сопоставление способно пролить дополнительный свет на историю этого интереснейшего памятника. Первое, что безусловно подтверждает сличение списков, это то, что во всех случаях речь идет об одном и том же тексте. Вместе с тем названия во всех случаях разные. Так, в сборнике Кирилло-Белозерского собрания (далее — КБ) читаем: «Пророчество Соломона о Христѣ сына Давыда царя иже пророчествова на Израиля» (л. 1). Интересно, что в заглавие КБ входит и фраза, указывающая обычно на использование текста в богослужении: «Господи, благослови, отче, за молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе» (л. 1). Название текста из рукописи собрания Яцимирского (далее — Яц.) таково: «Словеса святых пророкъ о Сынѣ Божьи, о схождении его на землю и о воплощении от Пречистыя Богородица и о избавлении роду христьяньскому и о отвержении жидовъ и о расточении ихъ» (л. 59). Приведем название, читающееся в рукописи из собрания Красинских (далее — Кр.): «Прорицание святых пророкъ о предвѣчномъ рождении Сына Божиа иже от Отца и о воплощении Христовѣ иже от Святыя Дѣвы Богородица Мариа пророчество Соломоне иже о Христе и въкоризна на отметных еврѣи. Усты Соломони Сынъ Божии прорече о собѣ иже бе превеченъ съ Отцемъ и свое рожество от Отца исходно поведаа рече» (л. 143). Вот, наконец, заглавие списка М: «Пророчество о Христѣ еже пророчествова Соломонъ усты его Сынѣ Божии» (л. 72).

Очевидно, что название не было стабильным. И хотя сути памятника более соответствует заглавие «Словеса святыхъ пророкъ» (где пророчество Соломона — лишь одно из многих), для всех его списков будем использовать то название, которое читается в Кирилло-Белозерском списке, — «Пророчество Соломона». Полагаем, что такое название поможет выделять данный памятник из большого количества текстов, связанных с пророчествами.

Если все рассматриваемые списки (несмотря даже на различие в заглавии) начинаются почти одинаково, то оканчиваются они в разных местах. Самым длинным из них является КБ. Последняя его фраза звучит так: «...сии бо корочминичи воду смѣшаютъ къ вину свою волю; сребромъ же наречетъ словеса книжная» (л. 56). Далее — по степени убывания — следует Кр.: «...и ту быти службѣ Божѣи, възнестися агньцю Божию за вѣсь миръ заколаему» (л. 163 об.). Заключительная фраза Яц. такова: «Видиши, жидовине, Моисѣи по собѣ повѣдевы 2-го законодавца велика и то вы повеле слышати» (л. 88). Последовательное изложение списка М оканчивается фразой: «...но якоже стези лодьиной не видѣти есть на водѣ, тако Божиа снитиа во адѣ» (л. 77), за которой следует небольшой отрывок из дальнейшего текста (к сожалению, в нашем распоряжении был лишь микрофильм статьи с вышеприведенным названием.

¹⁷ См.: Древности. С. 23.

¹⁸ За помощь в разыскании рукописи и возможность ознакомления с микрофильмом соответствующих ее листов сердечно благодарю А. А. Турилова и Е. М. Юхименко.

Не исключена возможность, что среди текстов данной рукописи существуют еще какие-то фрагменты интересующего нас текста).

Выяснив объем фрагментов в рассматриваемых списках, обратимся к сопоставлению текстов. КБ, который, по признанию И. Е. Евсеева, ему «доступен был не вполне»,¹⁹ оказывается не только самым полным из списков, но и самым исправным из них. Он, как мы полагаем, отражает ту версию текста, которую можно считать близкой к первоначальной. В случаях, когда чтения Яц. и Кр. и фрагмента, представленного в М, между собой расходятся, один из этих списков, как правило, совпадает с КБ, и совпадение это происходит именно в исправных чтениях. Приведем примеры:

КБ	Яц	Кр	М
то бо не смѣлъ о томъ ни помышля- ти, зане согрѣши (л 1 об)	тои бо о том не смѣлъ ни по- мышляти, зане согрѣши (л 59 об)	не смеи убо и ни помышляти о том, зане согрѣшай (л 143)	тои бо не смѣлъ о томъ ни помышляти, зане сгрѣши (л 72 об)
почто, оканне, лжею наводиши о Соломонѣ та слова (л 1 об)	почто, окан- не, лжеши и наводиши о Соло- монѣ та слова (л 59 об)	почто, окан- не, лжею наводи- ши о Соломоне та слова (л 143 об)	почто, окан- не, лжею наводи- ши о Соломонѣ та словеса (л 72 об)

И далее, по окончании фрагмента рассматриваемого памятника в рукописи М:

КБ	Яц	Кр
мразь бѣсныи (л 7)	мразь бѣсныи (л 65 об)	мразь небесныи (л 143 об)
глубину кумирьскую (л 7)	глубину морескую (л 65 об)	глубину кумирь- скую (л 143 об)
истонци силу его (л 7 об)	истончи силу его (л 66)	источи с полу (sic') его (л 144)
кто исьлѣдуетъ пре- дивныхъ пути его (л 7 об)	кто съслѣдуетъ пра- ведныхъ пути его (л 66)	кто исьлѣдуетъ предивныхъ пути его (л 144)
начало и свершение (л 11 об)	начяло совершенно (л 69 об)	начало и сверше- ние (л 146 об)
воплотившася Бога в наше подобие (л 12)	воплотившася Бога нашего подобие (л 70).	воплотивша Бога в наше подобие (л 147)
тогда напасется вкупѣ волкъ со агньцемъ (л 12 об)	тогда не пасется вкупѣ волъ (sic') со агнь- цемъ (л 70 об)	тогда напасется вкупѣ волкъ со агньцемъ (л 147)
разумѣи, жидовине, о же ти сего не звѣремъ молвит, но челоувѣкомъ (л 12 об)	разумѣти, о же ти сего не звѣремъ молвиться, но челоувѣкомъ (л 70 об)	разумей о житии сего не звѣремъ молвить, но челоувѣкомъ (л 147)
телець и левъ и унець вкупѣ напасутся (л 12 об)	телець и левъ и унець вкупѣ не пасутся (л 70 об)	и телец и левъ и унець вкупе напасутся (л 147 об)
апостоли розосла по миру (л 15)	апостоли розо- сла по миру (л 73 об)	апостольскаа росла по миру (л 149)

¹⁹ Евсеев И. Е. Слова святыхъ пророк — противоиудейский памятник по рукописи XV века // Древности Труды Славянской комиссии Императорского московского археологического общества М., 1907 Т. 4, вып. 1 С. 154 Судя по подведению разночтений в издании, КБ был доступен И. Е. Евсееву до л. 10

хотя отсѣчи вы (л 18)	хотя отсѣши вы (л 76)	хотя отречи вы (л 151)
а прокъ поработи (л 18)	а прокъ поработи (л 76 об)	а пророкъ пора- боти (л 151)
якоже рече, Исаиемъ глаголя (л 20 об)	якоже рече, писа- нием глаголя (л 78 об)	якоже рече, Иса- иемъ пророком глаголя (л 152 об)
глаголы лестныи (л 26 об)	глаголы истины (л 82 об)	глаголы лестныа (л 156)
лааше вы (л 27)	глаголаше вы (л 83)	лааше вы (л 156 об)

Имеется несколько случаев, когда Кр и Яц представляют первичные чтения в противоположность вторичным КБ

Кр	Яц	КБ
в обиль (л 148 об)	во обильи (л 73)	въ обитель (л 14)
вси цари римстии ке- сари нарицахуса (л 149 об)	вси цари римьсти кесари нарецахуса (л 74 об)	вси царие земстии кесари нарѣцахуса (л 16)
отець Захарья про- рокъ (л 152)	отець Захаринъ пророка (л 78)	царь Захариа про- рока (л 20)

Помимо этого, каждый из рассматриваемых списков имеет ряд своих особенностей. В Кр. отсутствует также небольшой фрагмент «Месия придет по 62 седмицу... Христось уже пришелъ есть по 69 седмиць» (в КБ л. 24). Есть перестановки текста в Яц. на л. 71—72. В КБ имеется лакуна в тексте, толкующем фрагмент Книги притчей (30· 19) от «вѣдыше бо дьяволъ» до «всегда въ уности по уности». Такого рода примеры показывают, что рассматриваемые списки не находятся в генетической связи, а восходят к общему источнику, причем КБ, как уже отмечалось, стоит к этому источнику ближе всего. Таким образом, следует отвергнуть мнение И. Е. Евсева, называвшего список Яц. «наиболее полной и первоначальной»²⁰ формой рассматриваемого памятника.

Особого разговора заслуживает отсутствие в Кр. Сказания о потире Соломона, читающегося и в КБ, и в Яц, и в М. На наш взгляд, речь здесь идет о лакуне в Кр. (где замечен текстовой «шов» и внезапный переход от одной темы к другой), а не о позднейшей вставке в КБ и Яц., как это полагал И. Е. Евсев. Он, в частности, писал, что указанный текст «представляет вторичное истолкование уже протолкованного в списке 9-й гл. кн. Притчей с внесением по этому поводу апокрифического пророчества о чаше Соломоновой. Вставку эту следует признать уже наслоением памятника, его переработкой».²¹ Даже вторичное истолкование одного и того же места Священного Писания в средневековом тексте еще не дает повода считать его фрагменты разновременными. В определенных жанрах одни и те же тексты толкуются по несколько раз. Но в нашем случае совпадения в толкованиях так незначительны, что вряд ли можно говорить о вторичном истолковании: в одном случае (Прит. 9: 2) цитата сама приводится à roros и не является поводом для разбираемых сюжетов; в другом (Прит. 9: 4) — толкование вообще не касается чаши, и потому оно вряд ли могло бы послужить причиной для позднейшей вставки о потире Соломона. Более того, первая следующая за лакунной

²⁰ Евсев И. Е. Слова святых пророк С 158

²¹ Там же

фраза («добре рече Соломон: четвера не могу уразумети, не исследовани бо пути Вышняго, яже съдѣя в мире» — Кр., л. 143 об.) остается неясной без более раннего текста, где цитата о четырех непонятных Соломону вещах (Прит. 30: 18) приведена полностью. Наконец, немаловажно то, что все остальные известные списки ПС, в том числе и ранние, Сказание о потире Соломона содержат. Отсутствие этого текста в Кр. является индивидуальной особенностью данного списка, автор которого, очевидно, решил избавиться от апокрифического текста. Таким образом, мы полагаем, что Сказание изначально входило в тот текст, который мы называем ПС.

Каково же происхождение этого источника? Несомненно русское. В первую очередь это подтверждается данными языка. Приведем ряд примеров по списку КБ: *полонѣ* (л. 35), *порохом* (л. 35 об.), *ворози* (л. 36 об.). В пользу такого вывода говорит и наличие выписок из русских хронографов.²² К этому можно добавить обилие примеров, указывающих на северо-запад Руси: *истонци* (л. 7), *благовистить* (л. 25), *недовидома* (л. 25 об.), *толѣцѣх* (л. 28), *мирѣло* (л. 28 об.), *проявѣ* (л. 28 об.), *нарѣцаемыи* (л. 31 об.), *надѣ нѣми* (л. 35), *обитованныи* (л. 36), *дѣтя* (л. 40), *свѣдитель* (л. 47), *видившеи* (л. 48), *раздѣльвѣ* (л. 48 об.). Часто употребляется *ци* или *цѣ* вместо *чи* (л. 24 об., 26 об., 27 об., 28, 32, 32 об. и др.).

Список Яц. с сильными западнорусскими чертами: *навчи* (л. 66 об., 69 об.), *чоловъкы* (л. 72), *укупѣ* (л. 72); предлог *у* вместо *в*: *у прелести* (л. 70 об.), *у чрѣсла* (л. 70 об.), *у ребра* (л. 70 об.). В списке есть позднейшая правка, ставящая своей целью лишить язык списка диалектных черт. Кстати говоря, вторичность текста Яц. по отношению к тексту, представленному в КБ, подтверждается сохранением в нескольких случаях характерного *ци*, заменявшегося обычно на *чи* (л. 84, 87, 87 об.). Есть один такой случай и в списке Кр., представляющем церковнославянский, близкий к условной норме (л. 160). Все это говорит о том, что памятник был создан на русском северо-западе, впоследствии же распространился не только на запад Руси, но и на славянский юг, о чем свидетельствует наличие сербского списка данного памятника.²³

Здесь мы подходим к весьма существенному вопросу: а что, собственно, можно считать ПС? При публикации памятника по списку из собрания А. И. Яцимирского помимо рассмотренных нами И. Е. Евсеев указал еще несколько рукописей, содержащих более или менее сходные тексты. Это, во-первых, список Костромской духовной семинарии, о котором И. Е. Евсеев писал, что он ему «почти не известен».²⁴ Нам он остался совсем неизвестным. Во-вторых, это «особый краткий вид» данного текста в сборнике Михайловского Златоверхого монастыря № 493/1655. В-третьих, рукопись из собр. Ундольского, № 12 (XVII в.). Упоминается, наконец, еще один список, принадлежавший М. И. Соколову и нам неизвестный.

Все названные рукописи (кроме костромской, о которой ничего не известно) представляют текст, отличающийся от рассмотренного выше, и уже в свете того, что о них сказано И. Е. Евсеевым, помещать их в один ряд со списками ПС не следует. В этих рукописях, по данным И. Е. Евсеева, отсутствуют Сказание о потире Соломона и хронографическая

²² Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. С. 43—45.

²³ См.: Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1969. С. 85—89.

²⁴ Евсеев И. Е. Слова святых пророк... С. 155.

часть. Но и общие с ПС фрагменты имеют свои отличия. Вот что писал И. Е. Евсеев о тексте сборника из Михайловского Златоверхого монастыря: «По сравнению со „Словесами“ (т. е. ПС. — Е. В.), эти пророческие выборки нельзя считать заимствованием из „Словес“. Это особая разновидность „Словес“ до их настоящей обработки, так сказать, более ранний, первоначальный вид материалов, послуживших для обработки „Словес“, частью же иной вид обработки».²⁵ По мнению И. Е. Евсеева, эта нехронографическая часть в чистом виде «не сохранилась ни в одном списке, но условно можно принимать за ее первообраз текст списка Михайловского Златоверхого монастыря. Здесь даны все те паримии с кратким истолкованием, которые с подробным толкованием даны в „Словесах“».²⁶ К несчастью, нам не удалось ознакомиться с этим интереснейшим сборником: уже в послевоенное время он сгорел в киевской Центральной научной библиотеке. Вместе с тем указанная точка зрения И. Е. Евсеева представляется нам обоснованной. Судя по всему, текст киевского списка представлял собой некий предварительный по отношению к ПС этап, который отразили и некоторые другие из известных ныне списков. О том, что в начальной, нехронографической своей части киевский список был соотносим с ПС, говорят и карандашные пометы (надо полагать, шахматовские) на копии со списка Кр.

Говоря о том, что в киевском списке нет вторичных вставок, И. Е. Евсеев указывает, что это сближает данный список со списком Кр., но такое сближение, на наш взгляд, неправомерно. Кр. представляет собой новый этап в развитии текста пророчеств, и отсутствие в нем Сказания о потире Соломона является, как уже было сказано, лакуной. ПС мы считаем единовременно созданным памятником. Иными словами, в него одновременно попали и Сказание о потире, и хронографическая часть, о которой сейчас пойдет речь.

Вторая часть ПС представляет собой обильные заимствования из хронографов с их последующим толкованием. В свое время В. М. Истрин предположил, что эти заимствования были сделаны из Летописца Еллинского и Римского Второй редакции.²⁷ Впоследствии в это положение внес уточнение Б. М. Клосс, указавший, что заимствования делались не из Летописца, а из Полной хронографической палеи.²⁸ О. В. Творогов расширил репертуар сопоставимых с хронографами мест (им были рассмотрены все фрагменты от основания Рима до царствования Ирода) и пришел к выводу, что заимствования производились и из Палеи, и из хронографа типа Троицкого.²⁹ В дополнение к этому нами были привлечены к исследованию фрагменты о знамениях перед падением Иерусалима и об осаде Иерусалима, и результаты этого сопоставления подтвердили справедливость поправок Б. М. Клосса и О. В. Творогова.

Из всего сказанного мы можем извлечь чрезвычайно важный для истории ПС вывод. Дело в том, что во всех известных списках Полной палеи хронографической части предшествует Толковая палея, выступая в качестве начальной части. И если создатель этого памятника использовал текст Полной хронографической палеи (а это ныне не вызывает сомнений), то с большой долей вероятности можно предположить, что он был

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 157.

²⁷ Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. С. 43—45.

²⁸ Клосс Б. М. К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида // ТОДРЛ. М.; Л., 1972. Т. 27. С. 376—378.

²⁹ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 25—26.

знаком и с Толковой палеей. Догадка, высказывавшаяся прежде на основании сходства Толковой палеи с ПС, находит свое подтверждение.

Можно привести и еще одно соображение. Следует полагать, что идея ввести в текст ПС Сказание о потире Соломона пришла к книжнику как раз при чтении палейных текстов. Дело в том, что Сказание сопровождает Полную палею, входя в так называемое «Прибавление к Палее». Текст Сказания там неполный. А если вспомнить, что Сказание из ПС представляет собой сводный текст (оно соединяет чтения разных редакций: упоминаются и чаша, и заменившая чашу в иной редакции Святая Святых), то логично предположить, что к другой редакции Сказания создатель ПС обратился вследствие неполноты имевшейся.

При отсутствии прямых текстуальных соответствий ТП и ПС (что объяснимо, если считать ПС попыткой продолжения ТП) чрезвычайная жанровая близость памятников выразилась в привлечении одних и тех же цитат (например, о непорочном зачатии Христа в ТП, стб. 212: «...но якоже Богословець пишеть, иже не от крови, ни от похоти плотьскы, ни от похоти мужескы» и в ПС, л. 5 об.: «...понеже не от похоти, ни от крови»³⁰), выражений (ТП, стб. 196: «...якоже и мы по Христъ крестьянѣ нарекохомся» и ПС, л. 20 об.: «...и именемъ его нарекохомся хрестьянѣ») и проблематики, включая центральную проблему — соотношение Ветхого и Нового Заветов (ПС, л. 7 об., 8, 35—36, 50—53 об. и др.; ТП, стб. 213, 276—278, 291—294, 364, 371, 437, 643 и др.).

Таким образом, история ПС представляется нам в следующем виде. Уже до XIII в. на Руси бытует определенный текст (в нескольких, очевидно, разновидностях), являющийся подборкой ветхозаветных мессианских пророчеств, сопровождающийся в большинстве случаев толкованиями. Вполне вероятно, что именно эту подборку имел в виду создатель Толковой палеи, когда обещал «предложити и всѣхъ пророкы глаголавшаяя порядку». Так или иначе, но Толковая палея оборвалась на царствовании Соломона и впоследствии была продолжена хронографическим текстом. Мы уже убедились, что человек, заимствовавший тексты из Хронографической палеи, должен был знать и палею Толковую. Разумеется, всякому читателю этого составного памятника была очевидна жаровая разница между двумя его частями, и это не могло не привести к попытке дополнить толковательную часть (т. е. собственно Толковую палею) адекватным ей текстом, т. е. составить конец, соответствующий началу. С этой целью им были использованы указанные пророческие тексты, а для более позднего периода — фрагменты хронографа.

Можно только догадываться, где оканчивался первоначальный текст ПС. Дело в том, что тексты, имеющие четкую жанровую выраженность, зачастую присоединяют к себе аналогичные фрагменты других текстов (так, скажем, как это произошло с ПС в рукописи Кр.). Тем не менее с большой долей уверенности можно предполагать, что не подтвержденный другими списками «лишний» текст, читающийся в КБ, принадлежал па-

³⁰ В пределах этой темы и ПС (л. 35 об.—36), и ТП (стб. 302—303, 623—624, 697—699) используют сюжет схождения росы на руно. Помимо этого, ПС предлагает и следующее толкование, в духе «естественнонаучных» толкований ТП (в последней оно отсутствует): «[О] бессѣменемъ бо его рожествѣ Давыдъ не рече ли въ 21 псалмѣ: „Азь бо есмь червь, а не человекъ“? Подобиемъ къ черви наводитъ, якоже бо червь не всѣянъ ни от когоже, но самъ ражается въ дрѣвѣ бес сѣмени — тако и Христось от Святыя Богородица бес сѣмени родися. И пакы червь не селяется в тѣло нетлѣнное, но в тѣло изгнѣвшее — ту червь и вселяется. Богъ же, видѣвъ истлѣвши родъ нашъ преступлениемъ, вселися въ утробу Дѣвичю, в тѣло тлѣмо — того дѣля наречесе червь Христос и родися от Духа Свята и от Приснодѣвы Марія» (л. 55).

мятнику изначально: это один и тот же язык, обороты, сюжеты и т. д. Сомнения вызывает лишь небольшой заключительный фрагмент (л. 55 об.—56), отличающийся от всего предыдущего текста и структурой своей напоминающий толковые пророчества.

Вряд ли можно сказать что-то определенное об авторе ПС. И. Е. Евсеев, правда, предположил, что им мог быть священник, исходя из «особенного сочувствия памятника к незлобивым архиереям».³¹ Возможно, что это и так. С уверенностью можно лишь констатировать, что его языковая стихия радикально отличалась от манеры создателя Толковой палеи. Если последняя демонстрирует классический книжный церковнославянский язык, то речь ПС местами близка к языку древнерусскому. В одном ряду с этим следует поставить и то, что ряд толкований основывается на церковных песнопениях: здесь также несомненно внимание автора к устно произносимому слову. Все это доказывает, что, будучи задуманным как продолжение Толковой палеи, ПС в то же время никогда не являлось ее частью.

Для того чтобы лучше понять жанровые особенности рассматриваемого памятника, следует вкратце коснуться полемической литературы как таковой. Подобно другим распространенным в древнерусской литературе жанрам, полемика с иноверными развивалась на Руси по византийскому образцу, представлявшим традиции антииудейской, а позднее — антилатинской полемики. Не пытаясь обзреть такую обширную тему, как полемическая литература вообще, остановимся лишь на нескольких жанровых, не связанных с идеологией моментах.

Первый из них касается хорошо известной проблемы драматизации повествовательного текста. То, что, скажем, катехизис до сих пор предпочитает вопросо-ответную форму, отражает не столько приверженность традиции, сколько признание драматизации как элемента, облегчающего восприятие.

Гораздо большее драматургическое значение имеет появление антагониста. Антагонист и конфликт были важнейшими элементами драмы на всех этапах ее развития. Конфликты, характерные для древнерусской полемической литературы, отличались разной степенью интенсивности. Как ни странно, антииудейская полемика зачастую представляется менее ожесточенной, чем полемика антилатинская, бывшая вроде бы делом внутрихристианским, а значит, более частным.

Вместе с тем с точки зрения литературного антагонизма именно антииудейская религиозная полемика рассматривалась русским средневековьем как наиболее соответствующая жанровым задачам. Выбор антагонистов в Древней Руси, особенно на раннем этапе, был значительно уже, чем это было в Византии. Русское язычество не представляло четкой системы взглядов и менее всего было склонно возражать литературно. Латинский Запад был, наряду с православием, параллельной ветвью христианства, и полемика могла касаться, как уже было сказано, вещей более частных. Причина предпочтительности антииудейской религиозной полемики для средневековых авторов лежала в генетических связях христианства с иудаизмом. Противоположная сторона, принадлежа в данном случае к совершенно другой религиозной системе, находилась в то же время в одном с полемистом семантическом поле, обе стороны пользовались одними и теми же понятиями.

Второе существенное для понимания нашего текста обстоятельство связано с тем, что полемика по форме не всегда является таковой по

³¹ Евсеев И. Е. Слова святых пророк... С. 169.

сути. Такого рода игры знака и значения известны культуре с древнейших времен. Эти явления разнообразны, и здесь достаточно вспомнить, что в вопросительную, скажем, форму облекаются не только вопросы. Несоответствие знака и значения мы может увидеть, еще раз коснувшись проблемы борьбы с язычеством. Так, волхв, испугавшийся войти в огонь со Стефаном Пермским, начинает говорить словами псалмов и Евангелия: «...не дерзаю прикоснуться огню... да не „яко воскъ тает от лица огню“ растаю»,³² «и „яму, юже ископав, впадохъ в ню“, и „в сѣти сей, юже скрых, увязе нога моя“, и „ров изрыхъ“ ему, и сам вринухся в онъ. И быша ми „послѣдняя горши первых“».³³ В русле соответствия значения и знака можно вспомнить «Слово о Законе и Благодати», где под противопоставлением Ветхого и Нового Заветов исследователь видит попытку заявить о значении нового христианского народа. К стати говоря, уже И. Жданов обратил внимание на сходство отдельных фрагментов ПС и «Слова о Законе и Благодати», предполагая, что первое повлияло на второе.³⁴

Эффект ухода значения от знака касается не только названных вещей. Он универсален, и, в частности, в силу этого именно эффекта мы не всегда способны адекватно понимать средневековые тексты. В нашем конкретном случае проявление указанного эффекта можно видеть в том, что под обликом полемики может скрываться апология. Иными словами, столкновение призвано не столько опровергнуть чужое, сколько утвердить свое. Как уже было сказано, антииудейская полемика, в отличие от других типов полемики, предоставляла наибольшее пространство для аргументации. Именно это как нельзя более подходило для произведения апологетического.

Догадку о том, что ПС не является в полном смысле полемическим произведением, высказывал еще И. Е. Евсеев, делавший, правда, это заключение на материале текста из собр. Ундольского, № 12. И. Е. Евсеев предположил, что само стремление обличить «явилось под впечатлением литературного неверника..., а не живой исторической, хотя бы и собирательной личности. Слишком уж мало в этих обличениях внутренней живости, не говоря уже об отсутствии жгучести и каких-либо отпечатков современности, неизбежных у искреннего горячего полемиста».³⁵ Литературная природа антагониста подтверждается и довольно размытым адресом обличений (наряду с иудеем в ПС неоднократно упоминаются «и прочии погани»): «Христу пришедшу въ миръ, всяческая подвижася. Розъсла бо ученикы по земли обращать от идоль, и те приводяху въ вѣру Новаго Закона учасе я и крещая ихъ, да послушавшая спасошася, а не послушавшей осудишася — вы, окании жидове и прочии погани, не вѣрующей въ Христа. Христосъ бо не нуею спасаетъ, но волею приходящая к нему. [То] вы своимъ изволением небрегосте его, ни учения его приясте со иными погаными, а мы въ нь вѣровахомъ, да мы ко добру подвижахомся, а вы, жидове, ко злу» (л. 51 об.—52).

Гипотетический иноверец не нуждался ни в деталях, ни в «каких-либо, — по выражению И. Е. Евсеева, — отпечатках современности». Другое дело, когда речь шла о реальной полемике, о текстах, вклю-

³² Святитель Стефан Пермский / Ред. Г. М. Прохоров. СПб., 1995. С. 150.

³³ Там же. С. 152.

³⁴ Жданов И. Соч. СПб., 1881. Т. 1. С. 468.

³⁵ Евсеев И. Е. Заметки по древнеславянскому переводу Св. Писания. IV. Толкования пророческих мест с обличением жидовина // ИОРЯС. СПб., 1900. Т. 5, кн. 3. С. 796.

чавшихся в особые полемические сборники, каковым, без сомнения, являлся Кр. или утраченный киевский список. Характерно, что читающиеся в сборнике Кр. тексты часто вполне предметны. Так, в одном из них осуждается западнохристианское причастие облатками: «Иисус, самъ ученикы своя учаше молитися, рече: Отче наш иже на небесѣхъ — и прочаа — хлѣбъ нашъ насущныи. Не рече: оплатокъ намъ насущныи» (л. 138). В русле антииудейской полемики в том же сборнике находим упоминание о неупотреблении в пищу свинины (л. 134—134 об.). В такие сборники позднее могли включаться и тексты типа ПС и Толковой палеи, полемической форме которых возвращалось соответствующее ей содержание. Такого рода сборники появлялись чаще всего в Западной Руси, где межрелигиозные контакты были особенно интенсивны.

В. М. Истрин и ряд других исследовавших Толковую палею ученых обращали внимание на то, что остаются не до конца выясненными ее задачи. Реакцией на что был этот памятник? Вопрос неспроста, если учесть, что никаких сведений, выявляющих реальную почву для возникновения такого рода литературы в XIII в., источники не приводят. Ответом на этот вопрос, с нашей точки зрения, может быть рассмотрение Толковой палеи и однородного с ней ПС в качестве произведений апологетических.

Показательно в этом смысле уже упоминавшееся сходство ПС со «Словом о Законе и Благодати», текстом, апологетическая направленность которого ни у кого не вызывает сомнений. Не сопоставляя указанные памятники между собой, ограничимся лишь несколькими наиболее характерными цитатами из ПС:

Христос «вашъ же Законъ отвергъ, Новыи Завѣтъ постави. Ветхаа минуша, и вся быша нова о Христѣ. Вамъ бѣ обрѣзание вдалъ, а намъ крещение. По Закону же не лишиши обрѣзания, понеже самъ бѣ и узаконилъ, а по отступленью вашему избра крещение. Вся предняя отложи — с вами обрѣзание и суботство — и вда намъ, новымъ людемъ новъ Законъ — крещение. Да вашъ Законъ изменеже за неверьство ваше, а нашъ силенъ бѣ. Вы бо послушасте Христа, а мы с радостию притекохомъ, васъ, учивъ, не научи, а нас, научивъ, спасе. Темъ вас отверже, а нас призва, вас отступи, а нас помилова, вас лишиши, а насъ усвои. Вы, вся предивнаа благаа видѣвше, не вѣровасте, а мы, не видѣвше, вѣровахомъ, тѣмъ вся добраа приахомъ, а вы злаа» (л. 7 об.—8);

«И тѣи избави нища от силна и убога, емуже не бѣ помощника, — сирѣчь насъ избави от насилия дьяволя. Уже бо при конци бяхомъ, не имущи помощи ни от когоже, но Христось, пришедъ, пожалова насъ нищих и убогих, рекше пошадн, и душа наша спасе, нищи убо бяху и убози добрыми дѣлы» (л. 35);

«...ономъ бо псалмемъ васъ обличивъ и лишивъ васъ, а симъ паки псалмемъ насъ зоветь, языки, любезно къ Богу пророкъ, воплощение Божие повѣдая и Новыи Законъ являя. Въспойте Господѣви пѣснь нову, новии людие в Новѣмъ Законѣ, пойте, рече, въспойте Господѣви, вся земля. Всѣхъ зоветь и всѣмъ велить пѣти Бога и славити и вѣровати во ны» (л. 50);

«...возвѣстите въ языцѣхъ славу его, апостоломъ глаголетъ провѣдши и яко въ насъ языцѣхъ проповѣдати имъ Христа пришедша и въ всѣхъ людехъ чюдеса его» (л. 50 об.);

«...страшенъ есть надо всѣми боги. Идеже бо слышаше бѣси имя Христово, пробѣгають, яко всѣ бозѣ языкъ дѣмони. Мы бо, языкѣ, первое вѣровахомъ въ многобожие. Исповѣдание и красота пред нимъ за нынѣ паки крещение и покаяние красота намъ, хрестьяномъ, святыни и велѣпота въ святителехъ его. Христова словеса и апостольская учения въ святыхъ церквахъ просияша» (л. 51).

Характерно, что ТП также имеет целый ряд сходных со «Словом о Законе и Благодати» фрагментов (стб. 138—139, 276—277, 364 и др.). Кстати говоря, история изучения редакций ТП предостерегает нас от скоопалительных суждений о сугубо полемическом предназначении этого памятника. То, что на основании изучения Барсовской палеи А. А. Алек-

сеев сделал вывод об известности ветхозаветных апокрифов на Руси к началу XV в., не позволяет наличие их в палее Синодальной связывать с ересью жидовствующих.³⁶ К этому можем добавить, что уже в Коломенской палее, в отношении которой влияние ереси жидовствующих не предполагалось, трижды употребляется характерный гебраизм «машляхъ» (стб. 381, строка 22 и стб. 383, строки 3 и 15).

Дополнительное подтверждение нашей точке зрения на жанр ПС и ТП находим в упомянутом сборнике Кирилло-Белозерского монастыря, где после заглавия помещено «Благослови, отче» — обращение, свидетельствующее о чтении текста на службе или за трапезой. Помимо ПС кирилло-белозерский сборник содержит еще ряд текстов (л. 161: «Слово святаго Алексия человѣка Божия»; л. 178: «Святаго Афанасья слово»; л. 178 об.: «От житья святаго отца нашего Спиридона», а также тексты на л. 180, 181 об., 184, 186, 192), заглавие которых сопровождается указанной формулой. Ни один из них не является полемическим. Трудно предположить, чтобы сугубо полемическое произведение могло быть предметом чтения на службе: подобное отношение мог вызвать текст, воспринимавшийся как апологетический. Но даже если на минуту представить себе обратное — т. е. полемическую задачу ПС, то какого же размера должны были быть межрелигиозные трения, чтобы вызвать к жизни многократно читающийся текст! В то же время, повторяем, ни о каких таких трениях сведений нет.

В пользу высказанной точки зрения свидетельствует и распространенность ПС на славянском юге. Объясняя «перенесение» ПС на южнославянскую почву, М. Н. Сперанский писал: «Если мы и не имеем сведений о проникновении на юг славянства ереси „жидовствующих“..., то этим не исключена возможность такого перенесения. „Словеса“ могли заинтересовать югославян в своей общей форме, по своей теме, хорошо известной и на юге, широко распространенной в средневековье — о взаимоотношениях Ветхого Завета и Нового, идей мессианизма и т. д.»³⁷

Подведем краткие итоги исследования.

Первое. Пророчеством Соломона в его восточнославянской редакции следует считать текст, известный на сегодняшний день в четырех списках — КБ, Кр., Яц., и М. Это одновременно созданный памятник, который включает в себя, среди прочего, толкование пророчеств, Сказание о потире Соломона и хронографические фрагменты.

Второе. Самым полным и исправным списком ПС является, вопреки мнению И. Е. Евсеева, не Яц., а КБ. Именно он должен быть положен в основу последующего издания.

Третье. ПС является памятником русским, созданным на северо-западе, там же, где предположительно была создана Толковая палея. Впоследствии списки этого памятника были распространены на Западной Руси и на Балканах.

Четвертое. Автор ПС был знаком с текстом ТП и писал свое сочинение как окончание указанного памятника.

Пятое и последнее. Пророчество Соломона, подобно Толковой палее, мы считаем произведением апологетическим.

³⁶ Алексеев А. А. Русско-еврейские литературные связи до 15 века // *Jews and Slavs / Ed. by W. Moskovich, Sh. Shvarzband, A. Alekseev. Jerusalem; St. Petersburg, 1993. Vol. 1. P. 63—70.*

³⁷ Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. С. 89.